

УДК 811.161.1

КАУЗАЦИЯ КАК КАТЕГОРИАЛЬНАЯ ДОМИНАНТА ТЕКСТОВ М. ВОЛОШИНА

Яценко Т.А.

«Категориальная доминанта» определяется в том случае, когда в пределах текста накапливаются категориальные ситуации одного типа [1, с.66-71; 16, с.19-20].

Исследование каузации как категориальной доминанты текста представляется *актуальным* как в плане представления архитектоники текста, так и в плане выявления репертуара языковых средств реализации каузации, определяемой как релятивная мегакатегория. Актуальность работы заключается и в том, что, несмотря на ряд глубоких исследований в области индивидуальной языковой картины мира писателя [12; 13; 14; 18], проблема требует дальнейшей разработки.

Вопрос о трактовке каузации как релятивной мегакатегории уже рассматривался в ряде наших работ [20]; отчасти была описана и специфика представления каузальных отношений на материале текстов М. Волошина [19].

Новизна данной статьи заключается в последовательном выявлении особенностей отражения каузации, включающей категории причины, цели, следствия, условия и уступки в индивидуальной картине мира М. Волошина, а также в более широком охвате текстуального материала.

Материалом анализа является статья М. Волошина «Культура, искусство, памятники Крыма» [7, с.212-219], текст автобиографии [7, с.223-225], стихотворные лирические произведения [4; 5], а также «Надписи на акварелях» [5], где выразительно прослеживается та же тема.

Объектом нашего исследования является категориальная ситуация каузальной взаимосвязи между такими явлениями, как: 1) географическое положение края и его историческая судьба; 2) судьба человека и судьба земли, на которой он живет. Эта категориальная ситуация исследуется в контексте литературных произведений М. Волошина, посвященных Крыму.

Цель работы – сопоставить общепризнанные положения о «полевом представлении» каузации с текстуальным материалом произведений М. Волошина. Для реализации данной цели необходимо *решение* следующих задач: а) представление репертуара языковых средств выражения определенной категориальной ситуации каузальной взаимосвязи; б) анализ зон пересечения разных типов каузации, а также зон пересечения с другими категориями; в) выявление специфики языковой реализации каузации в зависимости от типов дискурса.

Анализ текстов показал, что языковая реализация исследуемой категориальной ситуации значительно отличается от классического образца «полевого представления» набора языковых средств [9; 10].

Прежде всего сложноподчиненные предложения (СПП) с придаточными причины, следствия и условия, считающиеся наиболее специализированным и

центральным (ядерным) средством выражения отношений обусловленности, для исследуемых текстов не характерны. Гораздо чаще отмечаются сложносочиненные предложения (ССП), в которых между представленными в предикативных частях ситуациями проявляются отношения не только временной последовательности, но и причинно-следственной обусловленности: *В начале XIV века до Р.Х. Крым наводняют скифы, а в VI и в VII веке начинается греческая колонизация, и он вступает в освещенный круг мировой истории* [7, с.213], сравним: *благодаря греческой колонизации Крым вступает в освещенный круг мировой истории*.

Оказалось также, что и предложно-падежные группы, являющиеся специализированным средством выражения причины в простом предложении, не играют ведущей роли в выражении причинно-следственных отношений (вопрос о роли Творительного беспредложного рассматривается подробно в: [19]). Но они встречаются в прозе: *Крымские готы под его [Херсонеса. – Т.Я.] влиянием принимают христианство, эллинизируются и растворяются...* [7, с.214]. В поэзии предложно-падежные группы оказываются наиболее частотными в «Надписях на акварелях»: *«Земля, усталая от смены лет и рас»* [5, с.582]. В целом для поэтических текстов при выражении анализируемого значения в большей степени характерны контекстуальные средства выражения причинно-следственных отношений.

Какие же языковые средства оказались наиболее характерными для выражения исследуемой категориальной ситуации?

На первом месте, не только по частотности употребления, по распространенности в текстах разных жанров, но и по смысловой нагрузке находятся каузативные конструкции с актуализированным причинным компонентом, занимающим синтаксическую позицию подлежащего.

Основная мысль М. Волошина о влиянии географического положения на историческую судьбу Крыма формулируется в начале статьи «Культура, искусство, памятники Крыма». Именуя материк, примыкающий к Крыму, «Диким Полем» и Средиземное море «Маре Интернум», Волошин замечает: *«Дикое Поле» и «Маре Интернум» определяли историю Крыма* [7, с.212].

Актуализация причинного компонента, определяемая как характерная особенность текстов М. Волошина, может быть рассмотрена не только с позиции повышения его синтаксического статуса [8] (идея принадлежит М.В. Всеволодовой), но и с позиции психолингвистических закономерностей синтаксической памяти, прежде всего на этапе перехода от смыслового к семантическому синтаксису (см. об этом, а также обзор работ по вопросу: [15, с.25-29]).

Наряду с актуализацией причинного компонента для исследуемых текстов М. Волошина характерна актуализация семантики следствия, что выражается прежде всего в парцеллированных следственных конструкциях, включаемых в контекст синтаксического целого посредством релятивной связки *отсюда*, имеющей

первоначально пространственное значение. Мы уже обращали внимание на органичную взаимосвязь пространственных и причинно-следственных отношений в волошинских текстах [19]. Отмеченное синтаксическое явление характерно и для анализируемой статьи. Говоря о древнем караванном пути, который проходил через Крым, а затем через Кавказ и Персию – к Индии, Волошин заключает: *Но нужда в этом сухопутном пути не погасла. Больше всех в нем заинтересована Англия, как метрополия Индии. Отсюда и условие, продиктованное России после взятия Севастополя. Отсюда и железная дорога 45 параллели, проект который был разработан еще до начала Европейской войны...* [7, с.212-213].

Следующей характерной особенностью исследуемых текстов (преимущественно текста статьи) является насыщенность причастными оборотами каузальной семантики, находящимися в препозиции к подлежащему, с четко выраженным значением действия, направленного на подлежащее: (см. [2]). *Ближе всех отстоящий от малоазиатских колоний, более других отдаленный от Дикого Поля, пришедшийся как раз на пересечении черноморских путей с юга на север, он (Херсонес. – Т.Я.) в силу этого положения легче других греческих колоний отстаивает свою политическую самостоятельность* [7, с.213]. В приведенном примере причинный характер причастного оборота как бы «подкрепляется» наличием центральной причинной предложно-падежной группы **в силу + Род. п.**

Заметим, что препозитивный причастный оборот может заключать дополнительно не только причинное, но и уступительное значение. Развивая мысль об эллинизирующем воздействии Херсонеса, М. Волошин отмечает неизбежность противоречивости истории: *Первым эллинизированным народом являются скифы <...>. Но намагниченные о Херсонес народы сами постоянно грозят его самостоятельности, как во втором веке те же скифы времен царей Скилура и Палака, как Боспорское царство времен Митридата* [7, с.214]. Значение уступки эксплицитовано и противительным союзом *НО*.

В случаях постпозиции причастного оборота каузальное значение выражено значительно слабее: *Вначале и Пантикапея и Феодосия, основанные, как и Херсонес, в VI веке (до новой эры), но не дорически, а ионическими выходцами, играют немалую роль в судьбе Афин <...>* [7, с.215].

Анализируемые тексты насыщены также деепричастными оборотами. В прозе они используются при выражении логического вывода: *Судя по тем произведениям искусства, что найдены среди раскопок Херсонеса и хранятся в Эрмитаже, Херсонес был распространителем строгого стиля лучшей эпохи* [7, с.214]. Отмечено функционирование деепричастного оборота при выражении уступительных отношений: *Являясь только крайним щупальцем греческой культуры, – он [Херсонес. – Т.Я.] в течение двух тысяч лет выдерживает весь прибой Дикого Поля и одну за другой эллинизирует наступающие и оседающие в Крыму расы* [7, с.213]. Сравним со специализированной уступительной конструкцией: *Несмотря на то, что он является только крайним щупальцем греческой культуры...*

Широко используются также релятивные каузальные связки, включающие глаголы движения в метафорическом значении, типа **что следует из чего, что вытекает из чего**: *Ни в одной стране Европы не встретишь такого количества пейзажей, разнообразных по духу и по стилю и так тесно сосредоточенных на малом пространстве земли, как в*

Крым. Даже в Греции не найдешь такой сжатости. Это вытекает из расовой и культурной насыщенности Крыма [7, с.218].

Для исторической прозы Волошина характерно использование метафорических квазипричинных связей: *Греки, армяне, венецианцы, генуэзцы – вот торговые и культурные дрожжи Понта Эвксинского* [7, с.212], сравним: *вот что способствовало развитию торговли и культуры*. См. сходную по семантике метафору «фермент», использованную при определении роли финикийян в начале второго тысячелетия до христианской эры: *Несомненно, что роль торгового фермента играли в ту пору финикийяне* [7, с.213].

Особого внимания заслуживают конструкции с целевым союзом *чтобы*. В тех случаях, когда самим субъектом – лицом устанавливается цель его действий (поступков), конструкции с *чтобы* носят явно выраженный целевой характер, при этом способ достижения цели может быть заведомо связан с жертвами со стороны субъекта: *Я сам избрал пустынный сей затвор Землю добровольного изгнания, Чтобы в годы лжи, падений и разлуки В уединении выплавить свой дух И выстрадать великое познание* [4, с.80]. В данном случае целевые отношения носят явно выраженную типичную для них перспективную направленность. В случае ретроспективной направленности в конструкциях с *чтобы* целевые значения могут осложняться причинными.

В «Русской грамматике – 80» отмечается, что в тех случаях, когда в состав главной части СПП входит слово со значением необходимости (*нужно, надо, необходимо, следует, требуется*), целевое значение в конструкциях с *чтобы* претерпевает значительные изменения. При этом главная часть выступает как «носитель необходимого основания», а придаточная часть «может не иметь гипотетического значения» [17, с.595]. Возможность трансформации СПП с именными сказуемыми в главной части типа *нужен, необходим* и придаточным цели с *чтобы* в СПП с придаточным причины отмечается и В.М. Брицыным [3, с.293].

Обратимся к текстам Волошина, включающим союз *чтобы*, которые связаны с темой влияния пейзажа на человека. Сложный путь постижения «своего» в прозаических текстах отражен неоднократно в повторяющейся фразеологизированной причинно-целевой конструкции с союзом **чтобы**, где в первой части излагаются события, благодаря которым становится возможным духовное и художественное прозрение: *Понадобились долгие годы моей юности, посвященные искусству и странствиям, чтобы открыть оригинальность и красоту Коктебеля* [6, с.207]; *Коктебель не сразу вошел в мою душу: я постепенно осознал его как истинную родину моего духа, и мне понадобилось много лет, чтобы понять его красоту и единственность* [7]. В приведенных выше волошинских текстах о значимости Коктебеля в его судьбе используется глагол *понадобиться*, который также может быть включен в перечень лексем со значением необходимости.

Придаточные части с *чтобы*, безусловно, лишены гипотетического значения, так как они представляют одно из важнейших событий, уже свершившихся в жизни поэта и художника, – обретение «истинной родины духа». Возможна ли в данном случае трансформация в СПП с придаточным причины? Думается, что здесь уместней использование причинной предложно-падежной группы *благодаря + Дат. п.*: *Я смог открыть оригинальность и красоту Коктебеля благодаря занятиям искусством и*

странствиям на протяжении долгих лет моей юности. Как видим, необходима экспликация **событий**, которыми были наполнены годы юности. В анализируемых фразах субъектом является лицо, субъекты главных и придаточных частей совпадают.

В целом для синтаксических конструкций этого типа характерно наличие субъекта-лица. Но встречаются случаи, когда субъект не является лицом, и тогда семантика конструкций с *чтобы* приобретает особый характер. Прежде всего сами отношения каузации отличаются ретроспективной направленностью и устанавливаются субъектом мысли и речи, «надстоящим» над субъектом действия [11, с.320].

Отмечены случаи, когда в конструкциях с *чтобы* субъект, «надстоящий» над историческими событиями, устанавливает между ними отношения каузации, при которых целевые отношения в классическом представлении отсутствуют. Приведем фрагменты текста, связанные с исторической судьбой Феодосии, которую автор называет «капризной»: *К концу XV века, когда сама Каффа падает под напором турок (чтобы возродиться как Малый Стамбул), на месте Херсонеса уже давно лежат только груды развалин* [7, с.214-215].

Очевидно, в данных случаях можно говорить о своеобразной определенной свыше «исторической миссии» города как субъекта событий и о контаминации уступительных отношений с целевыми. Сравним: *Несмотря на то, что пала под напором турок, возродилась как Малый Стамбул.*

Выводы:

— обращение к дискурсивному исследованию каузации показало, что традиционное представление о соотношении центральных (ядерных) и периферийных средств выражения мегаполя каузации не всегда соответствует реалиям определенного текста;

— для текстов М. Волошина характерна актуализация причинного и следственного компонентов, широкое использование обособления, метафорических релятивных связей, а также наличие зон пересечения категорий причины, уступки, цели и пересечение категорий каузации с категориями пространства, времени и признака;

— представленные особенности языковой реализации каузации отражают фрагмент индивидуальной картины мира М. Волошина, связанный с идеей глубокой взаимосвязи и взаимопроникновения судеб Земли, Человека и Истории.

Список литературы

1. Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени / А.В. Бондарко. – СПб.: Изд-во С.-Пб. ун-та, – 2001. – 260 с.
2. Брицын В.М. Сопоставительное исследование синтаксических синонимов в русском и украинском языках / В. М. Брицын. – К.: Наук. думка, 1980. – 139 с.
3. Брицын В.М. Синтаксис и семантика инфинитива в современном русском языке / В.М. Брицын. – К.: Наук. думка, 1990. – 320 с.
4. Волошин М.А. Собрание сочинений. Т.1. Стихотворения и поэмы 1899-1926. – М.: Эллис Лак 2000, 2003. – 608с.;
5. Волошин М.А. Собрание сочинений. Т.2. Стихотворения и поэмы 1891-1931. – М.: Эллис Лак 2000, 2004. – 768с.
6. Волошин М. Избранное: Стихотворения, воспоминания, переписка / М. Волошин; сост., авт. вступ. ст. и коммент. З.Д. Давыдов, В. Купченко. – Минск: Мастацкая літаратура, 1993. – 479 с.

7. Волошин, М. Коктебелские берега: стихи, рисунки, акварели, статьи / М. Волошин; сост., авт. вступ. ст. и коммент. З.Д. Давыдов. – Симферополь: Таврия, 1990. – 248 с.
8. Всеволодова М.В. Причинно-следственные отношения в современном русском языке / М.В. Всеволодова, Т.А. Яценко. – М.: Рус. яз., 1988. – 207 с.
9. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: учебник / М.В. Всеволодова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. – 502 с.
10. Евтюхин В.Б. Группировка полей обусловленности: причина, условие, цель, следствие, уступка / В.Б. Евтюхин // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность обусловленности / отв. ред. А.В. Бондарко. – СПб., 1996. – С. 138-174.
11. Золотова Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. – М.: МГУ, Филол. ф-т, 1998. – 528 с.
12. Иванова Л.П. Кавказ в русском языковом сознании XIX-XX столетий / Л.П. Иванова.– К.: Издательский Дом Дмитрия Бураго, 2004. – 110 с.
13. Космеда Т.А. Концептосфера дневника Т.Г. Шевченко: концепт Украина / Т.А. Космеда // Мова: наук.-теорет. часопис з мовознавства. – Одеса, 2003. – № 8. – С. 122-126.
14. Маслова В.А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой: учеб. пособие / В.А. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 256 с.
15. Мусиенко В.П. Введение в психолингвистику: учеб. пособие для студ. филол. ф-та / В.П. Мусиенко. – К.: ИСИО, 1996. – 120 с.
16. Мусиенко В.П. Функционирование семантической категории меры в русском языке / В.П. Мусиенко. – М.: Агентство Роспечать, 1997. – 248 с.
17. Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1980. – Т. 1-2; т. 2. – 709 с.
18. Слухай Н.В. (Молотаева). Художественный образ в зеркале мифа этноса: М. Лермонтов, Т. Шевченко / Н.В. Слухай. – Киев, 1995. – 486 с.
19. Яценко Т.А. Каузальные связи в поэзии и прозе М. Волошина // Культура народов Причерноморья. – 1998. – №3. – С. 305-308.
20. Яценко Т.А. Каузация: лингвистический и логико-философский аспекты исследования // Ученые записки ТНУ им. В.И. Вернадского. Серия «Филология». – Т. 19 (58) №1. – Симферополь, 2006. – С. 229-241.

Поступила в редакцию 24.03.2006 г.